

Пугачёва А.Б.

1985/IX.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

УДОЖНИК И ВРЕМЯ

17 сентября 1985 г. ◆ 4

КИНООБОЗРЕНИЕ

ПРИШЛИ И ГОВОРЯТ

Музыкальный жанр принадлежит к числу наиболее популярных. Об этом знают все. Но понимают по-своему и порой весьма своеобразно.

ПЕРЕДО МНОЙ в уютном кресле сидит директор конторы кинопроката. По стенам развешены афиши и портреты популярных киноактеров. На самом почетном месте — план мероприятий: кино клубы, лектории, творческие встречи.

Вот уже полчаса мой собеседник старательно развивает мысль об ответственности перед подрастающим поколением, о воспитательном значении киноискусства, о роли критики. А потом, в заключение, протягивает мне газету с критической статьей на фильм «Душа» и поясняет: «Замечательный материал! Острый, принципиальный. Спасибо критику! Помог нам перевыполнить квартальный план: народ, как прочитал, валом повалил».

Читаешь иной раз в журнале размышления какого-нибудь постановщика о проблеме зрительского фильма и диву даешься. Он тебе и про известную в среде музыкантов форму рондо — мол, не вам чета, киноведам! — и про симфонические законы, и про композицию, и про монтаж. Не упустит возможность щегольнуть цитатой из Льва Толстого. Сокрушенно напомним, что «Волга-Волга» в свое время тоже была прохладно встречена критикой. А потом вдруг возьмется подсчитывать миллионы. Да так, что впопыху решить, будто кинематограф — ведущая отрасль нашей экономики. И все это накручено вокруг фильма, который не заслуживает даже фельетона в газете.

Понимает это режиссер? Думаю, что догадывается. Но у него на руках козырной туз — зритель. И трезвое понимание того, что кинематограф хоть и не ведущая, но все же отрасль экономики.

Лет двадцать назад подобное откровение не напечатал бы ни один уважающий себя журнал. А сегодня автор на коне. Он пишет теоретические опровержения и дожимает своих оппонентов элементарным приемом — мол, каждое ваше критическое выступление вдвое сокращает число тех, кто честно хотел бы трудиться на нелегком поприще музыкального фильма.

Так что дело не в критике. Просто кинопроцесс чрезвычайно усложнился. И то, что в нем мы раньше с некоторой натяжкой называли искусством, сегодня наконец оформилось и выделилось в совершенно особую сферу кинематографической деятельности. Что-то вроде киносервиса, службы хорошего настроения, призванной обеспечить сносное удовлетворение потребности развлечения для зрителя.

Этими переменами во многом и объясняется известная растерянность критики 70-х годов. С одной стороны, выяснилось, что анализировать музыкальные фильмы с точки зрения высокого искусства бессмысленно. Они функционируют по какому-то иному закону. С другой — было еще не совсем ясно, какие результаты дает вся эта трогательная забота о душевной комфортности публики. Ну а пока шел спор о «серьезных» и «развлекательных» фильмах, создавались научные концепции, писались ядовитые фельетоны о нравах и вкусах современного зрителя, в кинематографе народился, окреп и заявил о себе в полный голос новый тип киноразвлечения.

Особые перспективы открывались перед ним как раз в области музыкального фильма. Поэтому говорить о том, что критика отпугнула от него режиссуру, смешно. Прекрасным доказательством этого могут служить слова нашего незадачливого директора, которому острая и принципиальная статья помогла перевыполнить план.

Поэтому разумнее на время позабыть об оценках и попытаться понять само существо творче-

ской программы тех, кто средствами такого киноразвлечения пытается добиться зрительского успеха.

ПРОЧИТАВ в титрах, что музыкальная комедия «Герой ее романа» поставлена режиссером Ю. Горюновым по мотивам рассказа А. Каплера «Лопушок», я, признаться, несколько растерялся. И было от чего. История трагической любви одесского музыканта, комсомольца 20-х годов Ромки Борцова не давала никаких оснований для безудержного веселья. И вдруг — кинокомедия. Да еще музыкальная... Впрочем, речь не о проблемах экранизации. Хочется понять логику авторов фильма.

В рассказе Ромка терзается безответным чувством к портовой девочке вполне определенного поведения. В фильме мы вдруг знакомимся с ангелоподобным созданием, закончившим второй курс консерватории по классу фортепиано.

Впрочем, это только видимое затруднение. Вика Берсенева в фильме покоряет сердца всех без исключения мужчин. Еще из титров мы узнаем, что «Ромка в нее влюблен романтически, напман Котоусов «ухаживает с серьезными намерениями», режиссер Цыкада — «с несерьезными», «стрелок из тира» — «с неясными», оперный тенор Джузеппе Фаворито — «без всяких намерений». Как вы понимаете, героине каплеровского рассказа Вике Ткач подобный успех был бы просто не под силу... Не тот тип женской красоты. Ей явно недостает непосредственности, чистоты, милой кокетливости, словом, всего того, что могло бы привести в приятное расположение духа определенную часть зрителей. И, добавив от себя, помогу авторам выстроить незамысловатую любовную интригу, в которой есть место хорошему шлагеру, шутке, комическим трюкам и танцам.

Как, и все? Нет, уважаемый читатель. Здесь как раз и начинается главное.

Сегодня публика уже не может довольствоваться простенькими сюжетами. Рада бы, но не может. Нас стало покидать ощущение волшебства всего происходящего на экране. И мы вновь затосковали по... искусству — сложному, возвышенному, уникальному, что вовсе не значит, будто у зрителя пропала всякая охота к развлечению.

Но не учитывать этого обстоятельства было уже нельзя. И режиссура, о которой здесь идет речь, довольно быстро сориентировалась в меняющейся конъюнктуре зрительского спроса.

Но как? На экране все чаще стали появляться фильмы, в которых откровенная банальность сюжета и отсутствие всяческих мыслей камуфлировались мнимой проблемностью, серьезностью темы, концептуальностью взгляда.

Так, например, в сюжете «Героя ее романа» появляется главный сатирический персонаж — режиссер-авангардист Цыкада. Став во главе театрального коллектива, он с ходу отменил репетиции классической оперы «Кармен» и предложил к постановке индустриальную «кантату» собственного сочинения — «Чугун». На этой почве разгорелся творческий конфликт, в который оказались вовлечены все персонажи картины.

Я вовсе не против обобщающих концепций в музыкальном фильме. Я всячески приветствую стремление авторов проникнуть во внутренний мир художника. Но вот... новый фильм сценариста И. Резника и режиссера Н. Ардашникова «Пришла и говорю». Это не банальный киноконцерт и не заурядная мелодрама из жизни «звезд» эстрады. Фильм Ардашникова претендует на нечто большее. И здесь, увы, не обошлось без широких, обобщающих концепций. И здесь судьба художника становится материалом пустой и, в сущности, безразличной игры. Но об этом особо, а сейчас — несколько слов об исполнительнице главной роли.

Признаюсь, я не принадлежу к горячим поклонникам таланта Аллы Пугачевой. Всегда относился к ее творчеству скорее заинтересованно, чем

влюбленно. Но, побывав однажды на концерте в «Олимпийском», был совершенно ошеломлен увиденным. Почти два часа, без единой паузы, на пределе человеческих возможностей, на пересечении разноцветных лучей лазеров бился, мучился, ликовал голос актрисы, которая не просто пела, а вела яростный, ожесточенный поединок с многотысячной аудиторией.

Как же все это было непохоже на привычный, десятки раз виденный на телевизионном экране образ экстравагантной певицы и ее великодушной публики! Той самой публики, которой она преданно служит, к которой обращается не иначе, как «мой зритель», «мой судья», с которой готова разделить свои самые сокровенные мысли и чувства.

Но что-то изменилось. И это мы ощущаем в фильме, который весь представляет собой чередование концертных номеров и сцен как бы частной жизни актрисы. Появились новые интонации. Слово приобрело совершенно иное значение. Оно стало более резким, отчетливым, почти разговорным. Изменился и музыкальный, смысловой строй песен. Некогда очаровавший нас своей романтичностью образ обездоленного шута, отчаянного смельчака, канатоходца стал вдруг приобретать драматические очертания. Романтическая дымка рассеялась.

Мы привыкли думать, и не без оснований, что зрительская любовь если не во всех отношениях безупречна, то уж во всяком случае безобидна. Кажется, реальность вносит в понимание этого вопроса существенные поправки.

Я сейчас не о поклонниках Аллы Пугачевой, щедро демонстрируемых на экране. Не о толпе, осаждающей «мерседес» певицы у служебного входа. Я — об атмосфере, когда толпа превращает кумиров в заложников своих вкусов, представлений, грез.

Здесь нужно искать причины, объясняющие жажду поединка певицы со зрителем.

Как же отнеслись к этой драме авторы фильма «Пришла и говорю»? С пониманием. Они все эти страсти пустили в широкую распродажу. Так, на мой взгляд, и воспринимаются в картине «сцены частной жизни» певицы, попытки обыграть и по-особому «подать» ее мысли, чувства, сомнения, боль и творческие метания.

Удивительное дело! Иные режиссеры уже используют не приемы, не средства, не язык, а некие универсальные, ставшие достоянием обществу идеи, чужой успех, славу и, наконец, чей-то талант и душу.

Сейчас самое время вернуться к началу этих заметок.

ДЕЛО в том, что, задаваясь риторическими вопросами о причинах сложившейся ситуации, я, признаться, немного лукавил. Так же, как лукавил и директор кинопроката. И режиссер. Каждый, может быть, до конца не осознает, но где-то в глубине души чувствует, догадывается, что отступать дальше трудно. Что настало время, когда необходимо выработать какую-то ясную и определенную позицию.

Да, музыкальный фильм очень любим и популярен, он, если можно так сказать, «в дефиците». Спрос, однако, рождает не самого высокого толка предложение, чему свидетельством многие наши последние опыты в этом роде, как «Душа», «Женщина, которая поет» и новая картина «Пришла и говорю». Имя Аллы Пугачевой само по себе вызывает повышенный интерес к картине. Но оно ведь и обязывает. А если авторы претендуют не просто на фиксацию концертных номеров, но и на некое исследование духовной жизни актера, то тем более обязывают.

Но фильмы подобного рода, увы, создают ложный стереотип существования актера. И именно он настойчиво внедряется в сознание массового зрителя — вот о чем хотелось бы сказать.

Сергей ШУМАКОВ.